

Михаил Веллер
Ум обреченных

«Издательство АСТ»

2012

Веллер М. И.

Ум обреченных / М. И. Веллер — «Издательство АСТ», 2012

ISBN 978-5-271-41351-3

Легким, точным словом, полным юмора и иронии Веллер вскрывает острейшие вопросы современности, размышляет о пагубности либеральной идеологии, ведущей в недалеком будущем к гибели страны...

ISBN 978-5-271-41351-3

© Веллер М. И., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

I		5
	Грех	5
	Умопомрачение	8
	Оптимизм и пессимизм	10
II		13
	Государство как система	13
	1. Два муравья	13
	2. Цвай камараден	13
	3. Бригада	13
	4. Тургруппа	14
	5. Ролевое распределение	14
	6. Крысы в вольере	15
	7. Зеки в камере	16
	8. Семья	17
	9. Система структурирует: Бытие-внутри-себя и Бытие-вне-себя	18
	10. Фирма	19
	11. Ветвь и дерево	20
	12. Армия	20
	Конец ознакомительного фрагмента.	22

Михаил Веллер

Ум обреченных

I

Грех

Человек грешен и человек несовершенен, и пусть много о себе не мнит и греховность свою изживает, осознает, кается, замаливает, в гордыню-то не впадает и к совершенству пусть посылно стремится. Аминь.

Из этого христианского тезиса следует масса интереснейших «нетрадиционных» следствий.

Первым делом из этого следует комплекс неполноценности и комплекс вины. А человеком с такими комплексами легче управлять, чем без них. Объясни ему, что есть Некто, перед кем он заведомо виноват – и он в конце концов спросит, что же ему делать, чтобы загладить свою вину. Внуши, что он не такой, как надо – и он захочет стать таким, как надо.

Комплекс как побуждение к действию: преодолеть его и избыть. Глубинная психологическая мотивация.

Можно избыть комплекс ритуалом: молитва, аскеза, воздержание, схима, обряд. Обряд – это «внутрирелигиозное действие»: я делаю это и это вот так и вот так исключительно для тебя, Высшее Нечто, чтобы с тобой договориться, обратить Твое внимание на себя, показать Твою власть над собой, понравиться Тебе – отнесись же ко мне хорошо и сделай так, чтоб я жил получше.

Комплекс вины порождает стремление к наказанию за эту вину: для уравнивания психики. Стремление к страданию. Самоограничения, воздержание, пост, молчание, вериги, власяница, нищета, бродяжничество, самобичевание. Я сам себя наказываю за то, что я плохой. Страдаю – значит, искупаю вину. Какую? А если не просматривается? Подумай, подумай внимательно, всегда найдешь. Пастырь поможет.

Это все следствия интенсивные – кроме чувств, мыслей и тела самого «комплексанта» они никого не затрагивают. Но есть и экстенсивные.

Пожертвовать деньги на бедных. Строить по воскресеньям храм бесплатно. Сжечь еретиков. И все во славу Его и именем Его: Он тебя создал, ты Ему всем обязан – а перед Ним же виноват. Чем? Найдется. В конце концов, первородным грехом.

А можно захватить Иерусалим, перебить сарацин, снести мечети, построить церкви, изменить лицо части мира – и это будет хорошо. Изменяем мир в соответствии с нашими представлениями о Добре. Перережь их всех – и тебе спишутся грехи, ты будешь лучше и полноценнее.

Сделай человека виноватым и дай возможность искупить вину – и он перевернет горы. Христианство гениально. Грех как двигатель прогресса.

Но пока, казалось бы, ничего принципиально нового христианство не изобрело. В том смысле, что всегда были боги, и всегда одни поступки были им угодны, а другие – нет. Могли помогать и награждать, могли мешать и наказывать. Если христианский Бог автократичен – греческий Олимп как бы демократичен: товарищи там, наверху, посовещались и решили, а вообще у них распределение функций и ответственности, мздоимство, интриги, подкомиссии и комитеты, лоббирование своих кандидатур. Какую религию ни возьми – с Верхним Миром

надо ладить, подчиняться, угождать, угадывать Его желания и действовать в соответствии с ними: и тогда тебе будет хорошо, иначе – плохо. Покарает.

Любая религия объединяет народ единством представлений, суммирует его усилия и корректирует или просто направляет его действия. Одна из форм и аспектов системообразования общества.

Регулятивная функция греха. Ты должен поступать так-то и так-то, а иначе не должен, не то Сверху тебе вломят. Религиозная мораль.

Любая религия задействует понятие греха: Вина и Страх.

Многие религии рассматривают земную жизнь не только как низшую, что естественно, но и как горестную, грязную, суетную и в сущности не больно-то и нужную. И относятся к ней как к земному служению богам и прелюдии к жизни высшей.

Но только христианство утвердило изначальную, обязательную, исконно присущую человеку и неизбежную греховность – а жизнь расценивает как тем не менее пожизненное избывание этой неизбежной греховности. Был первородный грех? – молчи и тресни.

Н-ну – и что это значит? Что человек не идеален? Так это и так понятно. Понятно-то оно понятно, да не совсем.

Христианское утверждение имманентной греховности человека – это иными словами признание и утверждение того, что каков бы ни был человек – он все равно должен стремиться не к тому, что уже есть и он сам, и тем самым вообще все вокруг.

Имманентная греховность – это иными словами утверждение идеала всегда и в любых условиях.

Имманентное несовершенство человека – означает, что человеку всегда надо не то, что есть.

А еще иначе выражаясь: запас и избыток энергии в человеке долженствует ему всегда изменять себя и мир – изменять в принципе, таково его пожизненное занятие и предназначение.

Имманентный грех понуждает: переделывай! Себя и мир через себя.

Несовершенство как незавершенность, недоделанность – указатель на возможность и необходимость доделывания всегда.

И что будет конечным результатом вообще? Второе пришествие, Страшный Суд, воцарение Царства Его на земле. То есть: достижение идеала. Абсолюта, завершенность, совершенство, конец, смерть. Вот тогда будет искуплен изначальный грех, и все будет хорошо, делать больше ничего не надо будет, кроме как радоваться.

Это метафорическим языком религии. А прямым, как у пьяного римлянина, языком естествознания: тогда кончится Время, и человечество исполнит все, что могло, и совершит Максимальное Действие, и грохнет Вселенную, и в Большом Взрыве родится Новая Вселенная.

А монастыри, молитвы, обряды и храмы – это самозатратная часть религиозной составляющей всего человеческого механизма: с точки зрения энергоэволюции Вселенной она сбрасывается с КПД, не входит в КПД. Аналогично тому, как все энергетические затраты на производство автомобиля и перемещение его из точки А в точку Б – накладные расходы при перемещении собственно человека посредством сего мобиля на то же расстояние.

И не в том суть имманентной греховности, что ты прах и дерьмо перед Ним, что бы ни делал, – а в том, что *ты должен пахать и переделывать себя и мир, никогда не удовлетворяясь достигнутым.*

Утверждение имманентности греха означает имманентность идеала. Т. е. энергетическую неравновесность человека в мире, энергетическую избыточность, и этот избыток энергии являет себя в любых условиях и формах и всегда ищет приложения.

Недаром «условный святой» в христианстве близок к буддисту, входящему в нирвану: удален от мира, лишен желаний, как бы не имеет пола и возраста, ничего не делает и аж светится. Ушел.

Вот и мир когда-нибудь засветится небывалым светом. А до тех пор пахать придется.

Умопомрачение

Каждый человек совершает иногда идиотские поступки, но есть варианты.

Влюбленный глупеет, давно известно. Он волнуется, в мозгу его постоянно доминирует определенный очаг возбуждения, и эта доминанта гасит возбуждения других очагов – и влюбленный не может сосредоточиться, решить задачу, забывает одно и другое, и если прогнать его по тестам, у него может оказаться снижен коэффициент интеллекта.

Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Покой, безопасность, куча времени – человек может адекватно проанализировать ситуацию и принять оптимальное решение. А когда орут, стреляют, времени нет и гибель рядом – куча очагов возбуждения мешают друг другу, и дать доминанту на нужный участок мозгу трудно: вот тут нужно хладнокровие и быстрота соображения полководца. Кабинетный стратег в качестве строевого командира в бою может оказаться полным болваном. А позже может ясно видеть свои ошибки и удивляться: как же так напортачил.

Короче, волнение может сильно снижать наши умственные способности. Нервный школьник у доски может быть дурачком, а в разговоре наедине – умницей. Сбивается очаг возбуждения.

Так что в жизни обычно преуспевает не тот, кто очень умен в спокойном неторопливом положении, но дергается в деле – а тот, кто в «экзаменационной ситуации» может принять верное решение. Для сильно умного это решение – элементарно же, но в волнении он делает ерунду.

Но бывают гораздо, гораздо более интересные ситуации. Вот все спокойно. И человек не волнуется. И по большому счету в жизни чего-то хочет. И делает страшную глупость. И абсолютно не отдает себе в этом отчета. А время спустя вспоминает – и аж рот раскрывается: как он мог сделать такую глупость?! То есть:

Умный человек в спокойной ситуации часто совершает необъяснимую глупость вопреки собственным интересам.

Ощущение потом возникает такое, что какой-то участок мозга у него словно шторками задернули. Потемнение нашло.

Мы не имеем в виду цыганку, гипноз, уговоры, жульничество. Все чисто, все добровольно, без внешнего стимулирования.

Психолог и интеллектуал, большой интриган Березовский двинул в президенты Путина, хотя по психофизической фактуре Путина сразу должно было быть понятно, что первым делом он захочет убрать фигуры влияния и снять зависимость.

Грамотный партийный карьерист Горбачев начал либерализацию, хотя на примере даже современных лет Ирана и Польши было показано (еще два раза в истории), что структурно консервативная либерализация жестких режимов ведет к неконтролируемому развалу и перевороту.

Умные и образованные Гайдар и Чубайс скинули капиталы в частные руки, полагая, что с сохраненных командно-государственных высот будут управлять курсом реформ – хотя все всегда знали, что у кого бабки – тот и заказывает музыку (а иной вариант – это Гитлер, но никак не демократия, хотя и Гитлер был социалист).

А самый распространенный вариант – это когда *умный человек вдруг ляпает глупость*. И за язык его никто не тянул. То он с неуместной прямоотой огорчает хозяина отзывом об его обстановке. То бестактно шутит. То «режет правду-матку» о каких-то отвлеченных материях, которые его и волнуют мало, главное – что вразрез примитивных, на его взгляд, представлений собеседника: и видит, что огорчает его, и понимает, что зря огорчает, и не хочет этого делать, но вот само собой несет его.

Потом его могут не взять на работу. Или отказать в дальнейших услугах. Короче, вредит он себе. А когда ляпает – ничего не думает. А вообще умный. И даже, может, осторожный и хитрый. Но иногда ляпает. Мозги у него заедает.

И не болтун. Нормальный. И не злоязыкий. А ляпает.

И напоминает это вот что. Словно встроен в человека регулятор, который не дает ему подняться в жизни выше (т. е. сделать больше) некоего определенного уровня.

Такой регулятор может работать разными способами. Семейные неурядицы, мешающие работать. Несчастные случаи. Болезни не вовремя. Разнообразные совпадения. Короче, невезение. Удачи нет.

Удача – вещь серьезная. «Велика ли его удача?» – интересовались викинги о предводителе. «Удачлив ли?» – спрашивала анкета английских капитанов.

Способен, умен, храбр – но неудачлив: а вот, значит, по количеству и качеству общей энергии твоей – не делать тебе этого дела. Не карма. Не судьба. Понимаешь, умеешь – но объективно не можешь.

Акт временного умопомрачения – это самоограничение человеком уровня своего действия. Сбой в работе центральной нервной системы – мол, я уже близ своего потолка, надо попридержаться, спуститься немного, выше мне не надо. Это не глупость. Это особый род стресса – подсознательный, нефиксируемый раздрай и перенапряг психики. Это означает: сядь, расслабься, то, что ты по большому счету задумал – тебе не по плечу, ты этого побаиваешься, тебя тянет пониже и погарантированной. (Повторяю – речь не о глупости, не о хвастовстве, не о конфузах типа «с языка сорвалось» – мера своего идиотизма становится понятна человеку только днями, или даже годами, спустя: он спокоен, говорит обдуманно.)

Самая распространенная форма «ляпанья» – неуместная откровенность. Или интеллектуал-творец рассеян и забывает контролировать свою речь, неумышленно врезая собеседникам меж глаз и ног. Или туповатый не улавливает реакции собеседников: он вообще умный, у него просто «чувство партнера» слабое. Или человек просто чувствует, как ему «вожжа под хвост попадает». Но факт один:

– он бессознательно производит на собеседника впечатление, обратное тому, которое хотел бы произвести сознательно.

Падла, он устал притворяться, устал унижаться, у него уже невроз от этого! Подсознание шепчет сознанию: «Спи, моя радость, усни, все спокойно...» – а речевому центру велит: «Вломи-ка этим сукам, отведи мне душеньку!» А потом подсознание – юрк в норку! – а сознание ужасается: «Господи, что ж это я наговорило?»

В состоянии тихого умопомрачения человек абсолютно перестает соотносить свои поступки с их вероятнейшими следствиями. Он идет на автопилоте. Он видит только данный ход на доске, и сам по себе ход нормален. Причинно-следственному аппарату предвидения не хватает энергии для работы. Это – синдром скрытой усталости. Человек еще думает, что он идет к цели – а на самом деле его хитроумный мозг уже отказывается к ней идти, он хочет покоя, он чувствует себя перенапряженным. Не сейчас перенапряженным, а всей жизнью последних месяцев.

Акт умопомрачения – это подсознательное стремление к поражению (на энергетическом уровне).

И что характерно – подсознание норовит договориться с сознанием, чтобы акт умопомрачения не был замечен, зафиксирован. Сознание хочет быть спокойно: мол, я делаю то, что надо, что хочу и наметило, никакой раздвоенности. Поэтому всплывают в памяти такие акты и осознаются поздно и редко. Чтоб невроза не было по возможности.

Оптимизм и пессимизм

«А чтоб вы все сдохли!..» Это, скорее, пессимизм. Хотя выражает не столько прогноз, сколько пожелание.

Оптимизм – это уверенность в лучшем, а пессимизм – в худшем. Обычно считают так. Кто чего ждет от завтра.

«У одного вид пропасти рождает мысль о мосте, у другого о бездне». Это оптимист и пессимист на прогулке. Активно-уверенное и пассивно-безнадежное отношение к жизни.

Но. Но. Строго говоря, оптимист и пессимист различаются только в одном – взгляде на сроки конца света. Миллиард лет – оптимист, завтра – пессимист. Разница получается принципиальная, а результат один.

Логической аргументацией можно доказать что угодно. Что мы живем в лучшем из миров и в худшем из миров. Что жизнь прекрасна и жизнь ужасна. Что всегда есть для чего жить, и что жить вовсе не для чего. И что?

Единственно основательное, что осталось в философии от XX века – это экзистенциализм. Он чего? Он учил, что жизнь – это страх и трепет, одиночество и бессмысленность. Для этого надо быть философом? «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг – такая пустая и глупая шутка». Лермонтов, 1839 год, образование – юнкерское училище.

Найдите хорошего психоневропатолога. Предположим, вы счастливчик, сапер-кладоискатель, и вам это удалось. И пожалуйста ему, что вас мучит беспричинный страх, грызет одиночество, и жизнь кажется вам бессмысленной. Отсыпьте ему презренного золота, не то он вами толком не займется. И тогда он потрет руки, облучит вас доброй крепкой жизнеутверждающей уверенностью во всем хорошем и предложит рассказать о детстве. И сунет вам в руку электрод, а вторым начнет тыкать в разные точки вашего тела. И обведет контур на бумажке. И если он действительно чего-то стоит, то проверит еще все рефлексy и пошлет на все анализы. И уяснит, как вы спите и что едите, и с кем спите и занимаетесь ли физкультурой, и есть ли дети и сволочь ли начальник, и много ли вас дразнили и били в школе, или наоборот – вас все любили, зато отец пил, и мать пела, и дедушка был паралитик. Если вы найдете такого врача – вас можно смело посылать на поиски Святого Грааля.

И он вынет из вас комплекс вины и объяснит, что вы ни перед кем не виноваты и никому не должны. И сделает пассы и накачает энергией. И отсыплет таблеток и пилюлек, прописав по схеме. Антидепрессантов и транквилизаторов. И расскажет про режим дня, водные процедуры, здоровый секс, религию и экстремальные виды спорта.

Потому что он будет иметь вас за больного человека, которого надо лечить от депрессии. И если он – супер, то сумеет откорректировать биохимию снабжения мозга, и у вас исчезнет страх и безнадежность, а появятся наглость и веселая жадность. Правда, таких врачей почти совсем нет. Совсем почти совсем.

Что означает одиночество, на котором скорбно и стоически держится экзистенциализм? Что человек недоволен своим мироощущением, ему дискомфортно, он хотел бы иначе: чтобы его больше понимали, больше любили, больше разделяли все его нужды и чувства, чтобы другой человек, или несколько, или много, жили и все чувствовали с ним в такт, в резонанс, в унисон. Чтобы он явственно ощущал и создавал себя воедино с другим/другими. А поскольку, судя по опыту, это невозможно – жизнь печальна и гадка.

А что вы скажете о человеке, которому обрыдла казарма, общага, кубрик, фирма, город – и который жаждет одиночества и наслаждается им? Что скажете о хуторянах-бирюках, схимниках, пустынныхниках, путешественниках-одиночках? Которые почитают одиночество за дар и благо?

Жизнь бессмысленна, горько констатирует экзистенциалист. И ему машет из окошек полная палата суицидников в дурдоме. А вы седуксен принимать не пробовали, интересуется дежурный врач?

То есть. Человеку плохо. Причем беспричинно плохо. Вроде все и ничего, а вроде ничто и не радует. Сплин. Если у него энергии и денег много – он может полезть на Эверест или на плоту пересечь океан. Но у депрессантов энергии обычно мало. Шевельнуться ему трудно. Неохота. Лень. Западлю. И тогда он начинает думать, почему ему плохо. А поскольку у него лично все неплохо, кроме настроения, он быстро приходит к выводу, что просто жизнь дерьмо в принципе. А те, кто этого не понимает, – тупые, ограниченные люди.

Экзистенциализм как порождение депрессии и психастении. Экзистенциализм как философия пессимизма.

Если человека не устраивает мир – это нормально. Но следствий из этого основных выводится три.

Первое: прогибаю мир под себя. Изменяю в соответствии со своими представлениями о том, каким ему быть, чтоб мне было лучше.

Второе: прогибаю себя под мир. Что есть, то и есть, и все это совсем неплохо, иногда хорошо и даже здорово, ведь счастье – оно не снаружи, а внутри меня.

Третье: констатирую, что мир меня не устраивает, и анализирую, почему и не может устраивать: ведь если подумать – что ни делай, а все равно мне плоховато. Третий вариант самый легкий. Незатратный. Делать ничего не надо.

Пессимист – это сочетание пониженной энергетики с вялым же интеллектом, который базируется тоже ведь на энергетике. А экзистенциалист – это сочетание пониженной энергетики с развитым интеллектом: думать легче, чем действовать.

Экзистенциализм – это идеология интеллектуализированной низкой энергетики. Интеллектуализация невроза.

Шутка бывает точнее многонаучных выкладок. Оптимисту клопы пахнут коньяком, а пессимисту коньяк пахнет клопами. Логически безупречное построение, опровержению не подлежит.

Обычно когда женщина рождает, она клянется себе, что делает это в (первый и) последний раз. Боль, потрясение, кошмар, да не хотела я этого никогда и никогда не захочу, да какой смысл, такой ценой, сейчас умру, перенести невозможно, спасите, мама!!! (Ну, без наркоза и обезболивания вообще, по-природному, типично.) Проходит короткое время – и это состояние словно начисто улетучивается из памяти, и все кажется ничего, и дети – это чудо, и все снова. Биохимия снабжения мозга разная при родах и до-после.

Как два разных человека.

Экзистенциалист – это роженица со стойким остаточным родовым комплексом, только без ребенка. Ужас родов при отсутствии плода.

Поскольку наша жизнь есть то, что мы о ней думаем, – не важно, что будет завтра, а важно, как мы будем себя чувствовать. Можно и харакири сделать с радостью, явив себе, людям и богам мужество, твердость и верность долгу: высшая точка жизни, боли несколько секунд, а остальное навечно.

Оптимизм – это не прогноз, а мироотношение. А все равно жизнь неплоха!

Когда я слышу про страх и трепет, одиночество и бессмысленность, передо мной встает свирепый и жизнерадостный сержант, который вопит про наряды, сортиры, турник и километры гусиным шагом. И огромный, бесстрашный, немый викинг, первый боец Европы, победоносный предок бедного вырожденца Кьеркегора, бьют которого копенгагенские студенты почему-то регулярно закидывают яйцами. Чего боишься – то и после смерти получишь.

Одиночество и бессмысленность означают: мне дискомфортно, но я (... цепь рассуждений ...) не делаю ничего. Что тебе дискомфортно – это нормально, не в раю. А что ты ничего не

делаешь, а только анализируешь причины и теоретизируешь – это не более чем один из вариантов реакции на дискомфорт; не основной вариант, не первостепенный, но также возможный; и даже полезный и объективно необходимый как один из аспектов познания, осмысления мира по всей сфере мысленных ходов постижения.

Пессимист-страдалец, человек пониженной энергетики, удовлетворяет свою потребность в ощущениях в основном в отрицательной половине эмоциональной сферы. Оптимист – понятно, более в положительной.

Если страдание – это побуждение, стимул к действию (избавиться!), то пессимист – это вариант, когда стимул наличествует, но не срабатывает. Ну, пар в котле есть, а трансмиссия сломана, или колеса отвалились. С точки зрения суммарных действий человечества – неизбежный процент брака. А с точки зрения знания (которое – сила) – взгляд на предмет с изнанки, с другой стороны: а мало ли что там, вдруг пригодится.

А оптимист (иной тип психики, иные нюансы биохимии) иногда не прочь увильнуть от действия таким образом, что не страдает там, где большинству плохо. А ему и так хорошо! Жизнерадостный бомж – это другая крайность, можно сказать – иной тип брака.

Логически два подхода равноправны, но для счастья (.....).

Жажда правды, тяга к познанию и любопытство – это инстинкт выживания: это потребность в адекватной и полной информации для ориентирования, действий и выживания в окружающей среде.

Ложь и умолчание – это кража моего знания, моего поступка, моего мира. Лжец – вор и убийца моего зрения и судьбы, мой смертельный враг.

II

Государство как система

1. Два муравья

Возьмем небольшой плексигласовый ящик с песком. Посадим туда муравья. Муравей побежит и начнет копать. Выроет ямку и насыплет рядом холмик.

Посадим к нему второго муравья. Они начнут копать вдвоем. И насыплют, очевидно, холмик вдвое больше.

Ну так нет – не вдвое. Втрое! Производительность труда резко подпрыгивает. Этот факт энтомологи-«муравьеведы» объяснить не могут – они его лишь констатируют.

Почему муравьи сообща делают больше, чем порознь? Допустим, что они копают одну ямку вместе, а не две по отдельности, потому что в них инстинкт коллективизма. А упираются-то больше почему? Социалистического соревнования у них нет, аккордный наряд на земляные работы не подписан.

Два муравья – это уже система. Даже два муравья – уже не сами по себе, но образуют простейшую систему.

А система – это уже не количественно, а качественно новое образование. Она не равна простой сумме составляющих ее частей. Ее возможности, мощность, эффективность выше, чем суммарные возможности ее монад по отдельности.

Под монадой здесь понимается неделимый системообразующий элемент, способный к самостоятельному существованию и сохраняющий свои свойства и вне системы: обладающий индивидуальной автономией.

Энергия системы выше, чем сумма энергий ее монад. Откуда? Арифметика здесь работает уже иначе. Один плюс один равно трем. Вступая во взаимодействие, монады «вскрывают резервы энергии», которые не проявляются вне взаимодействия.

2. Цвай камараден

Человек роет канаву. Суем к нему в канаву другого человека. Очевидно, вдвоем они выроют вдвое больше.

Тоже нет. Вдвоем они могут вытаскивать камни, которые одному вообще не под силу. Или – один долбит ломом, второй выгребает совковой лопатой, потом меняются: при смене операций устают меньше, вырабатывают больше.

Санитар тащит на горбу раненого: пыхтит и качается. Вдвоем на носилках они с теми же затратами времени и труда вынесут не двоих, а троих, четверых.

Даже два человека – это уже система, которая может больше, чем эти два человека порознь.

Мы пока не говорим о разделении труда и специализации. Мы говорим лишь о простом соединении усилий.

3. Бригада

Берем двадцать человек, снабжаем всем необходимым и суем в тайгу. Продукты скоро кончатся. Инструменты есть. Выживать надо.

Начинают выживать. Воду находят: ручей, речку, озерцо. Рыболовные снасти ладят, на охоту ходят. Деревья валят, жилье ставят. Если нормальные мужики – через год встанет в тайге нормальный мини-поселок.

И будет в этом поселке нормальное разделение ролей. У одного глаз зорче и рука тверже – его больше отправляют охотиться. Другой с топором ловчее управляется – «главный плотник». Третий – самый здоровый: лес валить, тяжести ворочать – здесь он первый. И так далее.

И понятно: сунь их в тайгу поодиночке – не факт, что вообще все выживут. И хижина у одиночки будет жалкая, и заболевшему ему помочь некому, и т. д.

Итак, система обеспечивает своим членам лучшую жизнь, чем они могут себе создать по отдельности. И сделать могут они вместе больше, чем по отдельности. И вот для хорошей жизни и взаимопомощи они объединяются.

Просто и мило. Слишком просто и мило, чтобы быть всей правдой.

4. Тургруппа

Туристы идут в поход для отдыха и развлечения. И быстро начинается: кто-то натер ногу и не может быстро идти, кто-то не может толком кашеварить, кто-то простудился, кому-то лень воду тащить в ведре.

Начинается распределение обязанностей, составляется график очередности: носить воду, собирать дрова, варить пищу, ставить палатку. Невелика работа, но любого быстро раздражает, если он что-то делает за другого, больше другого, по его мнению. Вначале-то, если туристы неопытные, все пылали приятны и уверяли друг друга, что не фиг там очереди устанавливать, мол – кто свободен, устал меньше, тот и сделает. Практика быстро отрезвляет: давайте-ка организовываться.

Аморфное скопище превращается в систему. В этой системе всем лучше и спокойнее. Поводы к раздражению минимизируются. Появляется что-то вроде зачаточного Закона, обязательного для всех.

И по этому Закону, кстати, скорость группы определяется по самому медленному и хилому. И ему, если переходы тяжелые, приходится помогать: тяжелые вещи из его рюкзака другим тащить, через реку его переправлять, если он плавать не умеет, кашеварить за него, если он от усталости не дышит.

На черта его тащить с собой, не лучше ли бросить? А может, он самый умный и хорошие советы подает. А может, дурак, но вот внук его родится гением: есть смысл побережь. А может, уж очень человек душевный, коллективная совесть. А если сволочь? Но главное: сегодня его бросили, а завтра меня, вдруг я заболел. Нет, уж группой – так группой.

Опять же – получаем оптимизацию действий, преимущества коллективного выживания.

Вот какие мы умные, гуманные и, соединяясь в систему, лучше выживаем. Так, что ли? Банально, что ли?

5. Ролевое распределение

И всегда выделяется лидер. Он не всегда самый сильный. Не всегда обладает самым твердым характером. Не всегда самый умелый по жизни. И не всегда самый умный. Но вот по сумме этого многоборья у него больше всех очков.

А самое главное – в критических ситуациях он всегда берет на себя ответственность, принимает решение и добивается от остальных его выполнения. Он может организовать, убедить, настоять, заставить. И ему это нравится и этого хочется.

А если не очень хочется? Тогда сообща выбирают себе старшего. Потому что в некоторых ситуациях кто-то должен руководить, командовать: хотя бы бревно на сруб поднимать или с привала сниматься.

И всегда выделяется аутсайдер. Или самый хилый, или жирный, или робкий, или неумелый. К нему снисходят, посмеиваются, при случае помыкают.

И есть группа повыше, «перворанговая». И есть – пониже, «второранговая». По силе, характеру, умениям.

И энергичные всегда будут наверху. А вялые – внизу.

И все это выглядит разумно и логично. И представляется к пользе дела: люди от природы не равны, каждый делает что может и получает благ и уважения в соответствии со своим вкладом и натурой.

Социум, понимаешь. Человек – животное социальное, заметил еще Аристотель.

6. Крысы в вольере

Ужасная вещь: для того, чтобы живым существам образовать из себя и собою систему, много ума не надо. Без гениального человеческого разума многие обходятся. Э?

Моржи в стаде, волки в стае, львы в прайде и т. д. – все имеют свою иерархию. Могут сказать: естественный отбор – дают потомство самые живучие и приспособленные. Гм.

А вот крысы. Весьма многоступенчатая иерархия в крысином сообществе. Вожаки, перворанговые самцы, перворанговые самки, второранговые, парии.

Вот они живут в вольере. Корма и места всем достаточно. Но иерархия соблюдается! Хотя прямого смысла нет – все выживают. Но они не сами по себе – они в системе. Сегодня легко жить, завтра трудно – а система сохраняет себя.

И вот открывают дверцу в соседний вольер – пустой. И крысы туда не торопятся. Они умны и осмотрительны, осторожность не вредит: что там, в новом свете?

Первыми идут обследовать новую территорию «разведчики» – особи обычно второранговые, которым дома не мед. А вдруг будет неплохо, лучше?

Затем они возвращаются домой – и уже с группой переселяются на новое место – «пионеры».

А потом уже около половины стаи перетекает на новое пространство, обследованное «пионерами» и явно пригодное для жилья. И первое, что делают «вожаки» из тех, кто перетек с этой половиной, – убивают «разведчиков».

Вам это ничего не напоминает?

Система стремится сохранить себя. Не важно, что корма и места достаточно. Психологический и через него социальный механизм продолжают выполнять свою программу.

Система – не простое сообщество монад, но новая структура. У этой структуры свои возможности и свои задачи. Самосохранение и саморазвитие – весьма важная задача системы. По ситуации выделяются новые роли – а потом роленосители уничтожаются: порядок.

Система существует для того, чтобы в тяжелых и опасных условиях реальной жизни обеспечить выживание и размножение самых сильных и приспособленных. А для этого надо контролировать как можно большую территорию и поголовье на ней.

В Австралии «разведчики» удрали бы подальше и размножились безмерно. А в вольере удрать им некуда...

Как там насчет революций, пожирающих своих детей? Насчет первооткрывателей, которых обирали и выталкивали государственные чиновники и торгаши? Но не будем забегать вперед.

7. Зеки в камере

А теперь суем двадцатерых не в тайгу и не в поход, а в тюремную камеру. Или – отряд на зоне.

Российский следственный изолятор, где не повернешься и не продохнешь, брать не будем: это уже пытка бытовыми условиями. Возьмем нормальную благоустроенную зону. Для человека, впервые попавшего туда на экскурсию, условия жизни выглядят удивительно гуманными: непонятно даже, в чем уж такое наказание. Жилое помещение напоминает благоустроенную армейскую казарму: нормальные койки в два яруса, тюфяки, одеяла, раз в десять дней сменяют свежее белье и водят в баню. Трехразовое питание – ну ничем не хуже обычного солдатского в обычном линейном мотострелковом полку: воруют меньше прапорщики и интенданты. Восемь часов сна – отдай. Восьмичасовой рабочий день в производственной зоне – нормальная работа: рукавицы там или тапочки шить, или ящики сколачивать, или по металлу чего точить. Не переломишься. И даже с жалких грошей, что выплачивают зеку из заработанного, можно в ларьке купить сигарет, или чаю, или пряников. И даже посылки с воли иногда приходят с едой или теплыми вещами. Ребята – ну ей же Богу ничем не страшнее армии, только муштры и окриков куда меньше.

Адом делают свою жизнь сами зеки.

Жесточайшая иерархия. Наверху – пахан, главвор: в углу у окна подальше от двери, на нижней койке, на лучшем месте. Рядом – воры и блатные. Они не работают, им западло: уголовный закон не велит. Носят тюремную одежду и обувь поновее. Отбирают лучшие куски из посылок и передач остальных. Пол не моют, сортир тем более. Помыкают остальными.

«Мужики» работают за себя и за воров и лучшее отдают им.

«Чушки» делают грязную работу, над ними издеваются для развлечения и чтоб знали свое место.

«Опущенных», «петухов» можно драть, и за людей они вообще не считаются, их можно заставить хоть на дереве жить.

Казалось бы: зеки – товарищи по несчастью, вертухаи – их враги. Так логично бы помогать друг другу, облегчать друг другу жизнь – и сообща противостоять угнетателям. Фиг!

Тюремные психологи возымели было мнение, что это происходит из-за гадских уголовных традиций: испорченные рецидивисты портят жизнь остальным. Ставили опыты: осужденные по первой ходке, с нетяжелыми бытовыми статьями, не пихаются вперемежку на общий режим – а отделяются и селятся вместе, без блатных. Нормальные, то есть, люди в приемлемых условиях.

И через короткое время эти мирные люди образуют точно ту же структуру: по своим правам и обязанностям выделяется «вор», «блатные», «мужики», «чушки», «опущенные». И жизнь делается в такой камере или отряде еще ужаснее: рецидивисты как-то соблюдают традиции «закона», а здесь сплошной беспредел, отношение к тем, кто ниже тебя по этой социальной лестнице, еще более жестокое и неограниченное в издевательствах. Опыты прекратили – озадачились...

Итак, мы имеем самоорганизацию системы. Помогает ли такая система что-то делать, работать, производить? Нет. Помогает ли выживать своим членам? Нет, наоборот. Так на кой черт она нужна и почему образуется?

Пытались мешать организации такой системы, объясняя зекам нерациональность их поведения, не говоря уж о негуманности. Меры принимали, запрещали, наказывали. Не получалось. В карцер шли «воры» и «блатные», но на своем стояли. А самое-то ужасное – убирали блатных, так из «мужиков» выделялись другие на их место.

Но. Но. Что дает своим монадам такая система? А сильные ощущения дает – и положительные, и отрицательные. Пахан наслаждается своей властью и чувствует свою значительность – но постоянно готов за свою власть драться, рисковать, лезть на нож или наматывать себе новый срок. Блатной прогибается перед паханом, презирает мужика и сладко глумится над опущенным. Опущенный страдает – но счастлив, если не избили, не опустили почки, разрешили пожрать. Мужик оберегает свой статус, глотает унижения и побои от блатных, радуется, если все сравнительно благополучно в его этой жизни, и чувствует себя человеком по сравнению с презируемой кастой, мастью.

Мы имеем социум. Структурированное общество. Вне себя эта система может ничего не производить. Но внутри себя обеспечивает своим монадам «эмоционально богатую, наполненную жизнь».

Этот чувственный аспект первичен при самообразовании людей в систему. Даже если у системы отсутствует конкретная возможность и цель деятельности, она все равно образуется.

В принципе (в принципе!) отношения в камере не отличаются от отношений в детсадовской группе или школьном классе: есть лидер, хулиганы, середняки, слабаки, стукачи, изгои, «ломом опоясанные» одиночки.

Разум, рациональный подход к устройству своей и общественной жизни, к решению стоящих перед сообществом людей задач – здесь не главное, не доминанта.

Психологическое устройство человека, его повышенная энергетичность, которая проявляется прежде всего на уровне потребности в сильных положительных и отрицательных ощущениях, обеспечивает самоорганизацию людей в систему.

Человеку нужно включать себя в людскую систему прежде всего не для решения конкретных реальных задач – а для получения максимальных положительных и отрицательных ощущений. Понятно, что это его стремление не умственно, а подсознательно – и реализуется более через подсознательные влечения, чем через осознаваемые жизненные потребности.

Для человека как системообразующей монады первично не стремление решить реальную, бытийную задачу, которую проще решить сообща – а стремление получать посредством системообразования больше положительных и отрицательных ощущений: т. е. жить активнее на уровне чувств.

Корень – в этом.

Образовываться в систему, чтобы больше и мучиться, и радоваться. А больше делать – с точки зрения человека как субъекта прежде всего чувствующего – это уже следствие, это вторично.

Вот таков исходный механизм системообразования для человека.

8. Семья

Семья – система более биологическая, нежели социальная. В одиночку человек не размножается. Биологические роли мужчины и женщины взаимодополняющие. Сущность и назначение семьи как двуполой системы понятны на биологическом уровне. Вряд ли здесь требуются разъяснения.

А вот однополая семья для понимания чуть сложнее. Мы имеем подобие биологической системы – без ее реальной природной функции. (Хотя многие гомосексуалисты и лесбиянки мечтают о времени, когда наука позволит им иметь ребенка с любимым человеком без участия противоположного пола. И, что характерно, не исключено, что в будущем они получают свой шанс. Что лишний раз подтвердит нашу теорию: чувство стремится через разум к совершению действия.)

Человек размножается не потому, что говорит себе: мне пора размножиться, такова функция моего организма (мой долг перед народом, перед государством, надо оставить потом-

ство, надо передать кому-то наследство). Он хочет совокупляться с противоположным полом. Вообще – или с конкретным или даже единственным представителем. Хочет наслаждения, ласки, заботы, понимания, любви, уюта, общения, защиты и т. д. Детей хочет, а иногда не хочет и применяет контрацептивы, а иногда не думает об этом, а просто хочет обладать партнером. Но даже при осознанном желании иметь ребенка это чувство невозможно резко отделить от сферы прочих сопутствующих чувств и желаний, которые выше перечислены.

Гомосексуалист тоже всего этого хочет. И образует с другим гомосексуалистом семейно-подобную систему. Всё как в семье. Ну, только вместо комплекта половых органов два полуконспекта. Оба отлично знают, что дети у них не родятся. А друг друга хотят и даже иногда любят.

Ну, сбой в хромосомах. Или наведенная привычка, перешедшая в рефлекс. Или отсутствие лиц противоположного пола – при ощутимой половой потребности.

Для нас сейчас важно не это. А то, что даже такая биологически обусловленная (можно сказать, абсолютно жестко детерминированная) система, как семья, образуется монадами не для того, чтобы выполнять конкретную задачу размножения, а для того, чтобы удовлетворять желания, т. е. давать ощущения.

Один не хотел жениться, тяготится семьей, гуляет – а живет. Второй хочет создать семью – да что-то ни с одним конкретным партнером у него жить не получается, хотя для выполнения природной задачи почти все годятся. Чувства первичны, чувства!

В основе создания и существования системы лежит стремление человека к ощущениям. Сенсорное, а не рациональное.

Гомосексуальная семья – как отряд на зоне: система существует и удовлетворяет потребность в ощущениях, вот только реальных следствий в окружающем мире нет. Субъективная обусловленность системы есть – а объективная отсутствует.

Непродуктивная система. Можно сказать так.

Гетеросексуальную семью можно в этом плане уподобить бригаде в тайге: не только вступают в ролевые отношения, но и производят вследствие этого большие реальные действия в окружающей среде, как-то изменяют ее.

Продуктивная система. В данном случае – репродуктивная.

9. Система структурирует: Бытие-внутри-себя и Бытие-вне-себя

Что делает продуктивная система? Производит «внешний» продукт. Что-то такое делает, что объективно появляется и существует вне ее. Можно сказать: структурирует окружающее бытие, складывает какие-то его детали в такие конструкции, которых раньше, до действий системы, не было. Поселок строит, к примеру.

Что делает непродуктивная система? Никакого внешнего продукта она не производит. Окружающий мир, объективно глядя, не изменяет. Существует сама для себя. А составляющие ее монады, люди, вполне заняты: вовлечены в межличностные связи, напрягаются в поддержании внутрисистемных отношений, заботятся о своем статусе, прикладывают силы для поддержания своего положения, радуются и горюют. Отряд зеков.

Различие между ними понятно: это наличие или отсутствие в окружающем Бытие следствий существования этих систем.

А сходство? В аналогичности внутренних структур и внутреннего функционирования. Мир зека сужен до размеров камеры или зоны. В этом мире зек реализует свои желания и возможности: устраивается лучше или хуже, отлынивает от мытья пола, охотится за лучшим куском, достает лучшую одежду, тащит ярмо опущенного или сражается за привилегии блатного. И борется за это ничуть не меньше, чем работяга за повышение зарплаты или сокращение рабочего дня. И самоутверждается в этом ничуть не меньше, чем начальник бухгалтерии над младшим бухгалтером или директор завода над своим шофером.

Первый на деревне – более человек, чем последний в Риме, справедливо рассудил Цезарь.

Любая система всегда и прежде всего структурирует Бытие-внутри-нас. Свой внутренний, субъективный мир. А вот этот внутренний мир – может распространяться на внешний, а может и нет. Система прежде всего имеет дело с миром как со своим представлением о мире. Это представление о мире прежде всего включает ее саму, а уже потом – все остальное.

Системе без разницы, как проецируется ее Бытие-внутри-нас на внешнее Бытие-вне-нас. Главное – чтоб в Бытие-внутри-нас было все в порядке. Для сравнения: двигатель должен работать, а уж едет машина или нет – это дело коробки передач, кардана и колес. А сам двигатель старается как может, и в его представлении чем лучше он работает – тем больше от него толку машине, а что там с ней на самом деле делается – он знать не может, он судит о езде по собственной работе.

С точки зрения внешнего наблюдателя, объективной, система или структурирует Бытие-вне-нас – или это какая-то бессмыслица, низачем не нужная. С точки зрения внутреннего наблюдателя, субъективной, система всегда структурирует Бытие (-внутри-нас), в этом ее смысл, целесообразность, необходимость – а «провести грань» между Бытием-вне-нас и Бытием-внутри-нас она «не может» – не может выскочить за рамки себя как субъекта, своего представления о мире, своих задач.

10. Фирма

В «Законах Паркинсона» есть дивный пример. Британское Адмиралтейство. Во время I Мировой войны тоннаж и количество выпелов Его Величества флота значительно вырос. В отстающей пропорции рос и аппарат Адмиралтейства.

После войны флот стал сокращаться. А аппарат продолжал расти. В результате флот стал меньше довоенного – а аппарат значительно многочисленнее. Хотя дел у него, казалось бы, стало меньше. Но на внутрисистемном уровне – дел стало больше! Управления, отделы, подотделы и горы бумаг.

Каждый хочет зарплату и должность выше. Функционеры находят все новые способы улучшения общей работы, уточнения всех деталей и подробностей, совершенствования обеспечения боеготовности – и так без конца. И заняты все – выше горла!

На уровне монады, человека, – каждый стремится быть полезнее, значительнее, делать свое дело еще лучше – и лучше при этом жить. На уровне системы – она заботится прежде всего о себе самой: еще бы, ведь она – мозг и нервы флота, она – главная, без нее он превратится в мертвое железо, это она все обеспечивает, и, следовательно, чем ближе ко всеобъемлющей ее работа – тем лучше, это первоочередная задача. И она громоздится над собой, как скала на дрожжах, если скалы могут расти на дрожжах. И бюрократизация аппарата душит все вокруг.

Флот полагает, что Адмиралтейство для него. И работники Адмиралтейства тоже так полагают! Но у системы своя логика, своя целесообразность и свои законы развития. Система неизбежно отождествляет свое благо с благом флота. Все нужды воспринимает в первую очередь через призму нужд собственных: ведь она – не чужая флоту, не инородное образование, она – его мозг, руководящий орган, главная.

И сотрудники засиживаются после работы и получают благодарности, выговоры, премии, награды, чины и инфаркты.

Вышеизложенное в общем относится к любой фирме, коллективу, учреждению. Стремительный рост фирм в России девяностых годов показывает, как созданное несколькими приятелями предприятие мгновенно бюрократизируется и многоступенчато усложняется по мере существования. И вот уже простое дело требует внутренних виз и согласований, и всем нужны дополнительные сотрудники, и не хватает мест в просторных недавно помещениях.

Субъективный фактор понятен: каждый хочет быть значительнее, главнее, богаче. Но есть и объективный. Руководители с удивлением убеждаются, что многого внутри собственной фирмы они просто не в силах изменить: люди сволочи, хорошо работать не хотят, заменить за ту же зарплату их нечем, выгнать нельзя – масса мелких дел провиснет, многочисленные партнерские обязательства вяжут по рукам и ногам, рынок диктует свои законы, отдохнуть толком некогда – свобода превратилась в сплошную необходимость, не то фирма просто рухнет. Система начинает диктовать человеку.

Он делает фирму для себя – и становится ее рабом. А кто его заставлял создавать систему? А собственная энергия, желание делать дела и бабки. Ну – получи. Зато ощущений – море. И пахоты выше крыши. Самореализация.

Система делает себя из людей и начинает выжимать из них соки. Стремится заработать максимум денег. Растет и превращается в монстра. Делается неразворотлива, хуже ловит мышей, медленнее реагирует на новое. Раньше или позже рушится: вечных систем нет.

И всегда преследует собственные интересы, которые могут совпадать с интересами монад, а могут и нет.

11. Ветвь и дерево

Сюда можно насовать массу цитат, начиная от Платона. Сравнения с ульем и муравейником, метафоры о воле богов и железной руке провидения. Джон Донн, Бен Гилель и еще шеренга. Ограничимся Паскалем: «Ветвь не сознает, что она – часть дерева».

12. Армия

Системы могут быть продуктивными и непродуктивными. Но продукт тоже бывает разный. Вообще под «продуктом» здесь понимается действие, изменение, любое переструктурирование Бытия-вне-нас. Может быть кон-структурирование и де-структурирование, упрощение и разрушение уже имеющихся структур.

Классический образец деструктурирующей системы – армия. Конструктивный аспект армии как системы – с одной стороны, она входит необходимой подсистемой в систему государства, с другой стороны – под нее создаются материальные и социальные структуры, из которых она и состоит. Деструктивный, а вернее – деструктурирующий аспект: армия существует для уничтожения и разрушения.

Армия прекрасно иллюстрирует превосходство системы над бессистемным скоплением, равным ей по численности, массе, по арифметической сумме энергий составляющих бессистемное скопление монад. Для простоты: превосходство фаланги над вооруженной толпой. Регулярного войска над сбродным ополчением.

«Лучше стадо баранов, предводительствуемое львом, чем стадо львов, предводительствуемое бараном», – повторил Наполеон формулировку Эпаминонда. Четко координируемое сложение усилий.

Средний германский воин в единоборстве не уступал среднему римскому, а скорее превосходил его: рослый, сильный, яростный, бесстрашный. Чего германцам не хватало? Организованности и дисциплины.

Берем самых сильных, агрессивных, сущих зверей, обученных бою. Составится ли из них наилучшее войско? Не факт. Если они начнут спорить с командиром, показывать в повседневности каждый собственный характер, действовать в бою по своему влечению, пониманию и стремлению к подвигам – система начнет давать сбои. Поэтому буйных в армии репрессируют, даже если это лучшие бойцы. Лучший боец – это хорошо, но гораздо важнее, чтоб ты без-

упречно функционировал как винтик системы. Фаланге не нужны индивидуальные подвиги, фаланге нужно безупречное выполнение приказа каждым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.